

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОЛОС ВЛАДИМИРА КОРНИЛОВА

К началу нового века читатель привык или, быть может, притерпелся к интеллектуализму в русской поэзии. Неожиданный образ, смелое сближение вещей очевидно далеких, изобретательный сюжет, синтаксические переносы в строке и вольная строфика — казалось бы, все уводит любителя отечественной лирики от наивного переживания, восхищения природой, от простых событий и наглядных характеров. Эти приметы как будто говорят нам, что человек нынешний стал сложнее, ум его склонен различать ранее неведомые оттенки смысла, а простосердечное созерцание окончательно осталось в прошлом.

Однако в подобной установке скрыта демоническая уловка, которая, в первую очередь, спорит с евангельскими словами: «Будьте как дети». И всякий раз, когда поэтическая строка терзает ум и сердце читателя, жажда чистого слова и незамутненного цивилизацией восторга перед прекрасным ликом природы опрокидывает современные поэтические правила и ведет его усталую душу к первоначальным чувствам и искренним, незатейливым словам.

Во многом такое рассуждение справедливо для стихотворений Владимира Корнилова, сибирского поэта, строки которого хранят волшебные картины сибирской тайги, преображе-

ния времен года, русскую удаль, семейные скрепы и трудное бытие подлинно русского человека.

Стихи Корнилова часто проговаривают те максимы, которые держат в единстве порой неукротимые свойства характера нашего народа: «с чем сравнить материнскую силу?»; «в глазах учительницы гнев / и боль, и гордость затаенная. / И представлялась нам в огне / земля отцов непокоренная»; «это Русь, мне давшая в наследство / родовые ценности свои». Однако у поэта эти акценты совершенно лишены напористого атакующего звучания. Его речь повествует о событиях житейских, которые вполне могли бы случиться в иных местах и с другими людьми. Типичность происходящего кажется, на первый мимолетный взгляд, недостатком сюжета, изъядом образной системы стихотворения. Но, прочитав поэтическую историю еще раз без спешки и интеллектуальной надменности, ты видишь теплоту сердца рассказчика и сочувствуешь его героям.

На исходе январского дня
Мать, обнявши седую осину,
Родила на делянке меня...
Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одряхлевший, как старый колдун.
<...>
...Недороды да бедность по селам.
Даже песни не пелись без слез.
Дед же въехал в деревню веселым:
«Мужики! Пополнение привез!»

Картины, которые пишет лирической строкой Владимир Корнилов, отличаются тем же легко узнаваемым, общим для автора и его собеседника переживанием, которое мы находим на живописных полотнах времен Отечественной войны и послевоенной эпохи. Подлинный реализм происходящего, открытость эмоций и смыслов сегодня почти редкость, даже затаенность персонажей принципиально носит теперь экзистенциальный характер.

Природа у поэта пронизана светом и переливами оттенков, каждое время года наполнено особым тайным смыслом, который скрыт в знакомых пейзажных деталях и бытовых заботах. Человек и окружающий его мир находятся в согласном взаимодействии: небеса, деревья, зверье, земля и вода живут своим распорядком, человек соприкасается с ними, но не вторгается в этот уклад хозяином, не ломает под себя нерукотворную вселенную.

Спят деревеньки в таежной тиши.
Зимние тропы глухи.
Месяц в сторожке огонь потушил,
Иней осыпал с ольхи...
Словно стрелец, заступивший в дозор,
Молча обходит тайгу,
Ярко горит его острый топор —
Отблеск на стылом снегу.
...Ну а когда прокричат петухи,
Высветят зори узор, —
Месяц в сугробе под сенью ольхи
Спрячет до ночи топор.

Созерцание природы у Корнилова удивительно перекликается с тематически похожими строками Дмитрия Кедрина. Подобное лирическое эхо подчеркивает

мастерство современного автора, который состоит в творческом родстве с художником, чья поэтическая искушенность несомненна.

В пространстве поэзии рубежа столетий голос Владимира Корнилова звучит негромко. Между тем, самобытность его интонации, точный выбор лиц и предметов, населяющих его стихи, замечательная естественность речи, в которой растворяется техника стиха и на первый план выходит само существо разговора поэта с читателем, — все это можно отнести к главным приметам русской поэзии, соединившей в себе литературную высоту и живое просторечие. Соединяя строки Корнилова с нашими собственными эмоциями, продиктованными «железным веком», мы обретаем глубокое дыхание и ничем не замутненную, тихую и непреходящую радость бытия.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Восхищаться перестали мы:
Словно пленкой застит взгляд.
...В пышных шубах горностаевых
Нынче елочки стоят...
Русь зимой щедра подарками.
В лес войди — и удивись!
За серебряными арками
Здесь совсем иная жизнь...
Плюнь на мысли оголтелые!
Прочь о днягах разговор! —
И березок шали белые
Озарят твой мрачный взор.
Зазвонят лесные звонницы
О величье бытия, —
И душа добром наполнится
Вновь по самые края.

РУССКИЙ ГОВОРОК

Зимним утром — снег певуч и звонок —
Каждый шаг озвучен каблуком.
Жители сутулятся спросонок,
Освежая души холодком,
И, вливаясь в зарево проспектов, —
Потекут безудержной рекой, —
Тут порою — не до интеллекта,
Окунувшись в кипяток людской...
Кто-то обожжется грубым хамством,
Кто-то преподаст ему урок.
...Целый день морозное пространство
Оживляет русский говорок.

МЕСЯЦ

Спят деревеньки в таежной тиши.
Зимние тропы глухи.
Месяц в сторожке огонь потушил,
Иней осыпал с ольхи...
Словно стрелец, заступивший в дозор,
Молча обходит тайгу,
Ярко горит его острый топор —
Отблеск на стылом снегу.
...Ну а когда прокричат петухи,
Высветят зори узор, —
Месяц в сугробе под сенью ольхи
Спрячет до ночи топор.

В СЕНТЯБРЕ

Не встречал я осенью нигде
Красочней и трепетней картин:
Лучезарен каждый божий день
С серебристой дрожью паутин.
Золотые свечи сентября
Придают торжественность лесам.
Всякий миг такой боготворя, —
Свой восторг дарил я небесам.
...Храм осенний светел и велик —
Благодатью Вышней сотворен.
Как прекрасен он и огнелик,
Солнцем осиян со всех сторон!..
Чуть поодаль купола церквей
В ярко-желтом пламени берез —
Это образ Родины моей —
Дорог мне и памятен до слез.

БАРЫШНЯ ОСЕНЬ

Небо бездонно от просини.
Смехом искрится река.
...Барышня, нам не до осени:
Мы Вас не ждали пока.
Что же Вы лету перечтите, —
Если еще зелены
Сопки на всем междуречии,
Женщины счастьем пьяны.
Если блестящими нитями
Марево веет с полей.
...Барышня, Вам по наитию
Чудится крик журавлей.
Зреет их грусть над болотами
В зареве солнечных вьюг.

Ими еще не налетаны
Первые стежки на юг.
Это приснился Вам давнишний
В золоте весь оком.
...Осень, откуда Вы, барышня,
В ярком наряде своем?

ДЕРЕВЕНСКИЙ РАССВЕТ

Еще звезды не все погасли.
Зори тихо за лесом спят.
Дремлет сумрак над старым пряслом
И над играми жеребят...
Спят натруженные дороги.
Спит деревня, устав от забот.
Полуночица-выпь в тревоге
Громко всхлипнет и обомрет...
Пахнет клевером, спелой вишней.
Тишь рассветная хороша.
В час такой на озерах слышно —
Карпы плещутся в камышах.
...А петух и сквозь дрему слышит —
Подступает зари огонь.
Встрепенется, взлетит на крышу
И — растянет свою гармонию.

* * *

Поэтам мелкие грехи —
Они им — трын-трава:
Ведь их исконные стихи,
Как снег на Покрова...
Не зря их дивный «божий» дар
Нас очищает всех.
...В вину ли им хмельной угар
Считать за тяжкий грех?..
Хотя не все грешили в том, —
Но совесть их чиста.
Для них святыней отчий дом
И праведность Христа.
...И если враг в недобрый час
Нагрянет у ворот, —
Они сплотят стихами нас
В один святой народ...
Плечом к плечу, строка к строке —
Дадим отпор врагу,
Молясь Георгию, Луке
И Русскому стиху.

В АВГУСТЕ

*Светлой памяти
самобытного сибирского поэта
Ростислава Филиппова*

Какое согласие в Природе —
Умиротворения дух?!
Недаром у нас в огороде
Расцвел в эту пору лопух.
Но он, словно гость нежеланный
Для ярких нарядных цветов,
Небесной не ведая манны,
Ютился меж сорных кустов.
...Отшельник, отвергнутый всеми,
Познал он и тяпку, и плуг...
Но в августе гордое семя —
Лазоревым вспыхнуло вдруг.
И эту улыбку Природы
Случайно увидел поэт,
В заросшем углу огорода
Заметив лазоревый цвет.
И он восхитился растением, —
Хоть с виду лопух неказист,
Но нежное в бликах цветенье
Стихами просилось на лист.
...И пасынок жизни суровой —
Земли горемычная соль —
Восславлен был праведным словом
За все его муки и боль.

* * *

Ночь ли это?.. Сумрак ли сгустился?
Только стало жутко и темно.
Говорят, в колодце месяц утопился —
Пил над срубом и упал на дно.
Потому и люди приутихли.
Не скрипит журавль пустым ведром.
Златокрылый месяц, не для них ли
Санный путь ты выстилал пером?..
Даже птахам нынче не поется.
Льют дожди... И в траурном платке
Ночь-вдова склонилась у колодца
Над утопшим месяцем в тоске.

СИЛА СЛОВА

Ткаченко Александру Дмитриевичу

Спасенье души — самородное русское слово,
Несущее силу святой родниковой воды.
...Когда твое сердце от горя взорваться готово, —
То словом тебя ободрят и спасут от беды...
И хмурь на лице озарится улыбкой приветной.
И край, где родился, вдруг станет до боли родным...
И отчий наказ — жить в согласии с верой заветной —
Тебе он не даст поклоняться законам иным.
...Но если душа растеряет с годами святое, —
Ты к божьему слову, к святыням его обратись, —
И снова, как в детстве, вернется понятие простое, —
И душу очистит, и смыслом наполнится жизнь.

* * *

Русь моя с ее раздольем,
Хрусткий наст январским днем.
И горит... горит по вздолям
Снег малиновым огнем...
Кружева на снежных ветках.
В блесках солнечный зенит.
В запорошенных беседках —
Смех серебряный звенит...
Сам мороз, крутой по-русски, —
Людям взбадривает кровь.
...И глядит на мир без грусти
Светлым праздником Любовь.